

⁸⁶ «Рапорты... 1883 г.», л. 41 и сл. Ср. аналогичную формулировку относительно «Фауста» в гл. 2.

⁸⁷ «Дело по представлению попечителя Санктпетербургского учебного округа о стихотворении «Горные вершины» и «Баядера», 1831 г., № 429.

⁸⁸ Насколько мне известно, стихотворение Ставелова так и не увидело света. Перевод Розена, найденный в его бумагах в Историческом Музее, печатается в настоящем номере.

⁸⁹ «Подожди немного

Отдохнешь и ты»—в переводе Лермонтова.

⁴⁰ «Московский Наблюдатель» 1838 г., ч. XVI, стр. 39, пер. П. Петрова; ценз. разр. В. Булыгина от 11 апреля 1838 г. и ч. XVII, стр. 16, пер. К. Аксакова; ценз. разр. И. Снегирева от 11 июня 1838 г.

⁴¹ «Русский Вестник» 1867 г., т. 71, стр. 259—262.

⁴² В подлиннике заглавие «Der Gott und die Bajadere». См. собрание сочинений А. К. Толстого (изд. 1876 г., т. II) и примечания С. А. Венгерова к полн. собр. сочинений в издании А. Ф. Маркса. СПб, 1907, т. I, стр. 525. Есть и более поздние переводы легенды, см. напр. в «Деле» за 1870 г., № 7, стр. 158—160 «Баядерка», пер. Д. Минаева или в «Афишах и объявлениях» 1884 г., № 376 от 20 мая «Магадер и баядера», пер. А. Г.; были кроме того и отдельные оттиски этого перевода.

⁴³ «Рапорты... 1862 г.», л. 221.

⁴⁴ «Дело Санктпетербургского цензурного комитета о рукописи... 2. «Жизнь Гете Д. Льюиса», 1865, № 114. «Книга вышла в 1867 г. О том же в «Журнале заседания Санктпетербургского цензурного комитета» от 1 декабря 1865 г.

II. КНИГИ ГЕТЕ И «КОМИТЕТ ЦЕНСУРЫ ИНОСТРАННОЙ»

1

Проникновение в Россию иностранной книги с 1828 г. зависело от особого Комитета цензуры иностранной, учрежденного при Главном управлении цензуры. С 1815 по 1828 г. иностранные книги рассматривались Цензурою при министерстве полиции, но это был, так сказать, доисторический период существования иностранной цензуры: материалы, относящиеся к этому времени, сравнительно скудны, и в самой постановке дела не было отчетливой системы—начиная от делопроизводства и кончая принципами оценки чужеземных авторов. Цензура при министерстве полиции рассматривала только особо сомнительные книги, доставленные с пограничных пунктов местными таможенными цензорами. О большом количестве книг, не обративших на себя внимание местных цензоров и благополучно пропущенных, сведений вовсе не сохранилось.

Иностранная цензура вступает в исторический период своего существования лишь после издания Устава о цензуре 1828 г. Лишь начиная с этого года, мы видим полную и подробную картину судеб иностранной книги в России; лишь с этого года имеются точные сведения о всех книгах, проходивших через цензуру (как запрещенных, так и дозволенных к продаже).

В общем положение в России иностранной книги было более благоприятно, чем положение книги русской, еще в рукописи поступавшей на предварительную цензуру. Конечно в иностранном произведении, возникшем в особых, далеких от России, более свободных условиях, могло быть много такого, что не встретилось бы в сочинении русского автора, писавшего в русской обстановке и учитывавшего возможность цензурных препятствий для своей книги. Доза революционного яда в книге иностранной всегда могла оказаться неизмеримо большей, чем в отечественном произведении времен Николая I. Но этот яд выступал в гораздо более откровенном, заметном виде, и потому со стороны цензуры иностранной большей частью не проявлялось такого настороженного и подозрительного отношения к мелочам (якобы скрывающим опасный смысл), какое часто наблюдается в истории внутренней цензуры XIX века.

В частности цензурная судьба гетевских подлинников, проникавших в Россию, была в общем более благоприятной, чем судьба русских переводов из Гете. Запрещения, которым на исходе XVIII в. подверглись со стороны рижского цензора Ф. О. Туманского отдельные тома сочинений Гете, в цензурной судьбе подлинного Гете остались единственным и неповторимым фактом.

Однако отдельные моменты гетевского наследия встречались русской цензурой с известной подозрительностью и позднее.

Так в 1834 г. у рижского цензора Граве возбудили сомнения два места в третьем и четвертом томах «Переписки Гете с Цельтером» («Briefwechsel zwischen Goethe und Zelter in den Jahren 1796 bis 1832. Herausgegeben von Dr. Friedrich-Wilhelm Riemer. Berlin, 1834»). В своем рапорте от 20 июня 1834 г. он доносил:

«Эта переписка содержит сообщения личного характера о предметах литературы и искусства, преимущественно о произведениях того и другого, известия о небольших поездках, совершаемых Г. Цельтером, замечания по поводу интересных лиц и происшествий. Лишь немногие слова должны быть приведены. См. т. III, стр. 268 и 269, где Гете смеется над выражением: «побелевший в крови христовой», найденным им в стихотворении Вернера, которое он называет «сонетом сумасшедшего» — выражением однако библейским. В т. IV, стр. 267 речь идет о большом наводнении в С.-Петербурге, и Гете говорит: «С тех пор, как великое несчастье сделало очевидным неудачное местоположение громадного города, я невольно думаю об этом положении, если только барометр начинает опускаться (стр. 268), больше всего ночью, когда буря шумит моими соснами. Когда люди, вынужденные необходимостью, подобно венецианцам, селятся в болоте, или подобно первым римлянам, по случайности основываются на плохо выбранном месте, то это понятно; но по доброй воле причинить величайшее бедствие своим подданным, как это сделал великий император, — это слишком печальное следствие принципа безусловной монархии. Старый рыбак, по преданию, предостерегал его, говоря, что это не место для города...»

Комитет должен будет решить, следует ли уничтожить эти строки¹.

Комитет разрешил сомнения цензора, позволив книгу целиком. В журнале заседания № 38 от 13 сентября 1834 г. сказано:

«Комитет, по рассмотрении этих сомнительных мест, нашел, что приведенные в оных изъяснения Гете как частные мнения иностранного писателя не могут произвести на читателей в России вредного впечатления и потому положил: 3-й и 4-й томы «Briefwechsel zwischen Goethe und Zelter» позволить в целости².

2

Вообще внимание цензоров в материалах о Гете останавливали не столько суждения политические (и не эти суждения играли решающую роль при определении позволительности или непозволительности книги). Места, отмеченные цензурой, относятся к другой категории. Это — высказывания, в которых выразилось недоверчивое и ироническое отношение Гете к священному писанию, к библейской традиции, к вопросам христианской веры, где вопросы эти рассматривались в свете естественно-научной правдоподобности, исторической критики и понятий современной поэту философии.

Характерен в этом смысле рапорт Г. Д. Дукшинского о «Разговорах Гете с Экерманом в последние годы жизни, 1823—1832» («Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens, 1823—1832». Von J. P. Eckermann, Leipzig, 1836):

«В течение нескольких лет будучи почти ежедневным посетителем Гете и пользуясь его дружественным расположением, Экерман держал род журнала бесед с своим знаменитым человеком и сообщает ныне оные публике с присовокуплением некоторых сведений о себе и о домашней жизни Гете. Читатель найдет в сей книге суждения Гете о разных предметах, преимущественно же о литературе, но системы и порядка ждать не должен; это просто собрание разговоров и писем различного времени, интересное по литературной славе автора. В цензурном отношении следующие места обращают на себя внимание:

«Ч. 1, стр. 119. «Обращаясь к французским газетам, Гете сказал: «Либералы могут говорить, ибо всяк слушает их с удовольствием, когда они говорят рассудительно; но роялистам, имеющим в руках исполнительную власть, рассуждать вовсе неприлично, они должны действовать. Их дело посылать войска, гиллотинировать и вешать, слова нет, но в публичных местах опровергать мнения и оправдывать принимаемые меры, это уже им не идет вовсе. Если публика составлена была из государей, о, тогда можно бы им было отличаться».

«Ч. 2, стр. 21. «Разговор зашел о том, должно ли принимать, что все люди происходят от одной четы Адама и Евы? Г-н Марциус держался предания, изложенного в Св. Писании, и как естествоиспытатель доказывал оное тем, что природа действует в своих произведениях весьма экономически. «Я должен противоречить этому мнению, возразил Гете, и утверждаю, что природа, напротив того, является всегда изобильною и расточительною. Посему гораздо сообразнее с природою полагать, что она вместо одной бедной четы начала вдруг производить людей дюжинами и сотнями. Когда земля достигла известной точки зрелости и по стечению вод позеленела, тогда наступило время образования человека; и люди начали образоваться

всегомуществом Божиим везде, где земля дозволяла, и может быть прежде всего на возвышениях. Я нахожу такое мнение благоразумным, но почитаю совершенно бесполезным рассуждать, как это случилось. Конечно Священное Писание говорит только об одной чете людей, которую Бог сотворил в шестой день; но одаренные люди, начертавшие слово Божие, сохраненное в Библии, заняты были преимущественно своим избранным народом, и мы не отнимаем у них чести происхождения от Адама. Но что касается до нас, до Арапов, Лапландцев и статных людей еще красивее нас всех, то у нас наверно были другие родоначальники, и вы, господа, конечно согласитесь сами, что между нами и настоящими потомками Адама происходит слишком значительное в разных отношениях различие, в отношении же денег они превзошли нас совершенно».

«Ч. 2, стр. 265. «Речь зашла о Новом Завете по случаю прочитанного мною места, где Христос грядет по морю, а Петр идет ему навстречу. Не читав долго Евангелистов, сказал я, надобно всякий раз вновь удивляться нравственному величию употребляемых ими фигур. Сильное впечатление на нравственную силу воли заключает в себе некоторый род категорического повелительного (т. е. категорического императива.—А. Ф.).—Особенно же, сказал Гете, категорическое повелительное веры, которое простерто Магометом еще далее.—Впрочем, сказал я, если присмотреться ближе, то можно заметить, что Евангелисты наполнены отступлениями и противоречиями, и их книги вероятно подверглись дивным случаям судьбы, прежде нежели соединены были в настоящем их виде.—Историческое и критическое исследование сего предмета, отвечал Гете, есть неисчерпаемое море; лучше всего держаться того, что у нас есть действительно, и заимствовать из сего то, чем можно воспользоваться для нравственного своего образования и укрепления. Впрочем не худо познакомиться с местным расположением, и для сего я не могу рекомендовать вам ничего лучшего, как сочинения Рера о Палестине».

«Мы представляем об исключении двух последних мест при выпуске сей книги в публику, почитая оные противными § 3 Устава, первое же место как относящееся до французской публики полагаем возможным позволить»³.

Ссылка на § 3 Цензурного устава 1828 г. относится несомненно к пункту «а» этого параграфа:

«Произведения словесности, наук и искусств подвергаются запрещению Цензуры на основании правил сего Устава: а) Когда в оных содержится что-либо, клонящееся к поколебанию учения Православной церкви, ее преданий и обрядов, или вообще истин и догматов христианской веры»...

Комитет цензуры иностранной и Главное управление цензуры согласились с мнением Дукшинского, и «Разговоры с Экерманом» были позволены «для публики по исключении только предосудительных мест на страницах 21 и 265 второй части, о чем объявлено Комитету предложением Г. Министра Народного Просвещения от 9 Ноября 1836 года № 372».

3

Если здесь с точки зрения цензуры представляли опасность мнения уже старого и сановного Гете, то в другом случае аналогичная опасность представилась в книге с материалами о Гете молодом, о Гете франкфуртского периода. Дело шло о книге Генриха Деринга «Гете во Франкфурте-на-Майне» («Goethe in Frankfurt am Main» или «Zerstreute Blätter aus der Zeit seines dortigen Aufenthaltes in den Jahren 1757 bis 1775». Gesammelt von Dr. Heinrich Döring. Jena, 1839). Г. Д. Дукшинский писал в своем рапорте:

«В этой книжке собраны мелкие сочинения Гете в стихах и прозе, писанные им во Франкфурте, с присовокуплением в конце суждений о некоторых важнейших его произведениях.

«Цензурою не могут быть одобрены: Послание к одному пастору о веротерпимости на стр. 5—24, Статья под заглавием Два важные, доселе неисследованные библейские вопроса, ныне в первый раз основательно разрешенные—стр. 24—39 и место на стр. 77.—

«В послании автор основывает веротерпимость на разрушении главных начал христианской веры и введении вместо религии совершенного равнодушия к положительным ее учреждениям.—В статье о библейских вопросах доказывает, 1, что заповеди не были написаны на каменных скрижалях, Моисеем полученных, и что мнение о том основано на заблуждении сочинителя книги Моисея и, 2, что говорить различными языками (способность, дарованная Апостолам), не значит объясняться на них, а только сообщать восторжение духа.—

«Чтобы дать ближайшее понятие о предосудительности статей, приведем собственные слова автора:

«...стр. 16. «Богословы чудные люди. Они требуют невозможного: из христианской религии сделать вероисповедание. Уже Петр думал, что в Посланиях Павла есть много непонятого, а Петр был не то, что наши суперинтенденты. Он прав, Павел писал вещи, которых вся христианская церковь ип согрего до нынешнего дня не понимает. Страшно и подумать приводить в систему все, что есть в Библии»...

«Стр. 17. «Нет сомнения в том, что при учреждении причастия ученики принимали хлеб и вино точно так, как реформированная церковь; ибо учитель сидел вместе с ними, они обещали повторять то же в его память, потому что его любили, и Христос более не требовал ничего. Поистине Иоанн, лежавший на его лоне, не имел надобности в хлебе, чтобы удостовериться в личном присутствии Господа; словом, у учеников кружилась вероятно голова весь вечер, ибо они не поняли ни одного слова...»

Уотфал ипдн 37.
 Berlin 1796. а подв дрэдмив тител
 лодь: Wilhelm Meister Lehrjahre
 чинтар Гетте.
 Бездсловное твверждение одут о
 блаженство наше состоитъ въ
 томъ, что въ ветьми силами дос
 тивать того, что намъ справед
 ливымъ и хорошимъ кажется, про
 тивно правиламъ истинной муд
 рости: что въ во ветьхъ своимъ

Начало рапорта цензора Ф. О. Туманского, предполагавшего запретить „Вилгельма Мейстера“ Гете
 Рапорт сохранился в деле „Канцелярии генерал-прокурора Правительствующего Сената, донесение цензур
 Рижской, Московской, Санктпетербургской и др.“ 1797 г.

Ленинградское отделение Центрархива

«Подобные же вещи можно читать еще на стр. 11, 15, 18, 28, 29, 33 и т. д. Мы думаем, что это достаточно доказывает предосудительный дух статей и потому на основании § 78 Устава представляем о запрещении книжки, так как упомянутые статьи занимают почти половину оной»⁴.

«Комитет, соглашаясь с мнением Г. Цензора, положил: запретить эту книжку для публики по требованию §§ 3 и 78 Устава о цензуре».

Параграф 78-й, на который (так же, как и на § 3) здесь сделана ссылка, гласил: «Из книг духовного содержания подвергаются запрещению все те, кои заключают в себе умствования и мнения, противные главным началам Христианской веры, или опровергают учение Православной Церкви, или же ведущие к безбожию, материализму, неуважению Священного Писания и т. п.»

4

Если художественное творчество Гете и фактические данные его биографии не являлись одиозными в глазах иностранной цензуры, то выводы, которые из этих данных и из самих произведений делались комментаторами, те мнения, которые высказывались по поводу них, могли приобрести непопозволительный характер. В январе 1833 г. на рассмотрение Комитета поступила книга «Размышления о поэзии

и философии Гете и его неизбежном переходе от натурализма к рациональному христианству, посвященные достойному старцу одним из его искреннейших почитателей» («Reflexionen über Goethe's Poesie und Philosophie und dessen naturnotwendigen Uebergang vom Naturalismus zum rationalen Christianismus. Dem würdigen Greis selbst vorgelegt von einem seiner aufrichtigsten Verehrer». Altenburg. 1832). Привожу рапорт (Г. Д. Дукшинского):

«Излагая краткое понятие о духе сочинений Гете, автор сей брошюрки доказывает, что сей писатель при вступлении на литературное поприще обнаружил решительное стремление к материализму, но мало-по-малу изменил образ мыслей и в зрелом возрасте и старости сблизился с христианскою философиею. Оправдывая при сем Гете против делаемых ему упреков в безбожии, он показывает, что сей вдохновенный поэт и философ не мог следовать примеру умов обыкновенных и, склонясь к христианской вере, должен был избрать лучшую и основательнейшую систему, то-есть систему рационализма.

«Нижеприводимые места удостоверяют, что автор не только одобряет, но и разделяет вполне убеждение Гете, почему книжка сия и подлежит, по нашему мнению, запрещению...

...Стр. 78. «Я не могу порицать и упрекать вас [Гете] в том, что вы не хотели изъявить обыкновенным образом вашей веры, приобретенной путем необыкновенным, что вы не посещали церковь, не участвовали в причащении, ибо вы не нуждались или полагали, что не нуждаетесь в сих духовных упражнениях, подобно обыкновенным христианам...»⁵

Книга была подвергнута запрещению.

Что явствует из этих примеров?

Из сопоставления цитируемых «предсудительных» мест с содержанием §§ 3 и 78 Цензурного устава, на которые сделана ссылка, обнаруживается отнюдь не случайный характер цензорских опасений и подозрений. Уже рассуждения о веротерпимости или о библейских вопросах делали Гете неблагонадежным в мнении цензуры. Даже фразеология была подозрительно скептическая: «одаренные люди, начертившие слово божие» (о евангелистах—в «Разговорах с Экерманом»); сопоставление христианства с мусульманством по поводу категорического императива (там же), замечание о том, что у «учеников вероятно кружилась голова» (в книге Деринга), и т. д. Даже вполне традиционные выражения вроде фразы о том, что «люди начали образоваться всемогуществом Божиим», оказывались в таком контексте, который совершенно нейтрализовал их.

Попытки же комментаторов и апологетов доказать или оправдать «христианство» Гете достигали с точки зрения цензуры совершенно противоположного: они скорее способствовали представлению о поэте как о скептике, как о «великом язычнике». Если мировоззрение Гете, выраженное в его стихах, драмах и прозаических вещах, еще являлось приемлемым, то раскрытие этого мировоззрения и его истолкование выходили за пределы дозволенного. То, чего не договорил Гете, не должны были, по мнению цензуры, опубликовывать или договаривать комментаторы, не должны были настаивать на этом.

В данном отношении очень любопытна цензурная судьба, постигшая много позднее—уже в 1852 г.—один из комментариев ко второй части «Фауста»—книгу Г. Дюнцера «Goethe's Faust. Zum erstenmal vollständig erläutert. Zweiter Teil. Leipzig. 1851». Чтобы правильно оценить факт запрещения этой книги, нужно конечно учесть и время, к которому оно относится,—время семилетнего цензурного террора, время бутурлинского комитета и максимального обострения реакции.

Вторая часть «Фауста» была беспрепятственно пропущена цензурою в составе I тома посмертного издания сочинений Гете (в 1833 г.). Что касается комментария Дюнцера, то многие места, в числе прочих приведенные в цензорском рапорте и послужившие основанием к запрету, были почти что пересказом трагедии, всего лишь изложением отдельных ситуаций; лишь порой подчеркивалась, выделялась та или иная деталь. Вот рапорт об этой книге (от 8 апреля 1852 г.), принадлежащий перу цензора Л. Роде:

«Сочинение, второй том которого служит предметом настоящего донесения, представляет комментарий к драматической поэме «Фауст». Первый том этого комментария касается первой части названной поэмы; он дозволен цензурой. Что до второго тома, относящегося ко второй части поэмы, то в нем есть вещи, которые мы считаем нужным представить на суд Комитета...»

Затем цензор приводит целый ряд пространных цитат, подчеркивающих социальные мотивы и раскрывающих отдельные положения второй части «Фауста» в соци-

ально-историческом плане. Опуская некоторые из этих цитат, привожу наиболее показательные места рапорта Л. Роде:

Стр. 30 — 69. «Глава, занимающая эти страницы, озаглавлена словом «Mittenschanz», что означает маскарад. Фауст и Мефистофель прибыли ко двору римского императора. Какого, не сказано; во всяком случае это император средневековый, и поэт рисует его юношей, который, вместо того чтобы серьезно и добросовестно править государством, пользуется своей неограниченной властью только затем, чтоб наслаждаться жизнью, и проводит время в удовольствиях и развлечениях, убаюкиваясь однако при мысли, что он любим своим народом и что народ счастлив под его скипетром,—заблуждение, в котором еще укрепляют его министры и вообще льстецы. Как бы то ни было, автор разбираемой книги, истолковывая эту часть поэмы, пытается показать, что поэт между прочим желал в ней выразить бедственность такого порядка вещей и несчастные последствия, вытекающие из него, и по этому поводу встречаются следующие семь мест:

Стр. 58. «Конец маскарада представляет намек на революцию, разразившуюся по вине правителя и окружающих его и являющуюся противоположностью мудрого правления, которое представлено в образе Победы, богини деятельности во всех смыслах...»

Стр. 60. «Не требуется большой проницательности, чтобы понять, что под маской сатира здесь выведен легкомысленный ум монарха, который злоупотребляет своей властью, считает народ за породу, лишенную силы и могущества, обреченную рабству и не имеющую никакого права на свободу и на независимое развитие».

Стр. 62. «Если фавны, сатиры и гномы изображают пороки, которыми монарх губит свое могущество, а именно жажду чувственных наслаждений, оскорбительное презрение к народу и корыстолюбие, никогда не останавливающееся перед тем, чтобы попать права, то великаны спутники Пана изображают лживых советчиков престола, нисколько не заботящихся о развитии и духе народа, который, правда, может быть угнетаем некоторое время, но не может навсегда застыть в рабстве, стремящихся попать ногами все, что противится неограниченной власти, непреклонной и руководимой одним эгоизмом...»

Стр. 66. «Мы останавливаем здесь внимание на словах Гете о том, что каждая великая революция является следствием не вины народа, а вины правительства».

«...Меж тем как император и его советники верят коварным словам Мефистофеля, что нужны только деньги и что государство стало бы счастливым, как только удалось бы их раздобыть,—Фауст, напротив, показывает нам, что благосостояние империи может быть лишь следствием разумной деятельности, что монарх, служащий лишь собственным эгоистическим целям и угнетающий народ, который он призвал сделать счастливым, только подготавливает бурное сотрясение существующего строя...»

Стр. 125. «Слыша упоминание о городе Фарсале, где Цезарь одержал великую победу над Помпеем, Мефистофель вспоминает многочисленные бои за освобождение народа, где по большей части сражаются лишь тираны против тиранов, а дело свободы, за которое якобы бьются, служит лишь поводом, которым тираны с большею или меньшею ловкостью умеют пользоваться, чтоб поднять народ для собственных целей...»

Стр. 321. «Не колеблясь, император приписывает победу всемогущему богу и приказывает петь *Te Deum*. Здесь поэт бичует сатирой странный обычай—запевать в честь царя небес *Te Deum laudamus* после кровавой битвы, в которой победа часто одерживается средствами, весьма достойными осуждения, например изменой и коварством, и, несмотря на то, что война всегда есть несчастье, празднество дьявола...»

Заключение цензора было однако вполне благоприятно для книги: он считал ее позволительной, если не в целости, то во всяком случае по исключении предосудительных мест:

«Относительно мест, указанных на стр. 58, 59, 60, 62, 65, 66 и 68, мы должны заметить, что речь идет очевидно о Римской империи средних веков, империи, чьи установления разумеется менее всего годились, чтобы служить примером, и где порядок слишком часто сменялся беспорядком; что следовательно речь идет не о государстве вообще или государях вообще, а лишь об одном государе, который, предаваясь наслаждениям, не исполняет своих обязанностей главы государства. Поэтому мы держимся того мнения, что следовало бы позволить главу «Mittenschanz» в целости, тем более, что она находится в сочинении очень серьезного характера и отнюдь недоступном всякому. Уже вторая часть самой поэмы такова, что находит мало читателей, и мы полагаем возможным утверждать с полной уверенностью, что даже большая часть многочисленных обладателей полного собрания сочинений Гете не читала ее. То же самое в еще большей мере относится к этому

комментарии, который, мы не думаем ошибиться, найдет покупателей лишь среди немногих из числа ультрапоклонников великого поэта. Однако приведенные места — несколько щекотливого свойства, и вот почему мы воздерживаемся от окончательного суждения... В случае, если Комитет не разделит нашего вышеизложенного мнения, мы считаем, что будет достаточным исключить лишь стр. 58—68.

«Что до других мест, о которых мы говорили в этом рапорте, то мы не находим их особенно опасными, и от Комитета будет зависеть пропустить и их, позволяя всю книгу в целости».

Комитет однако обманул ожидания Л. Роде: вместо того чтобы позволить ее в целости или хотя бы с исключением отдельных мест, он запретил ее целиком. Решение его сформулировано так:

«Комитет, рассмотрев приведенные Г. Цензором места, нашел, что оные не могут воспользоваться снисхождением Цензуры и, по множеству их, признал за лучшее весь второй том сочинения Дюнцера «Goethe's Faust» запретить для публики, не подводя впрочем сего запрещения под статьи Уложения о наказаниях».

Еще один мелкий штрих к цензурной «критике» «Фауста». Самая трагедия была дозволена. Но в одном рапорте 1839 г. (донесении цензора Соца о драме Жорж Занд «Семь струн лиры») вскользь, ради сравнения, упоминается трагедия Гете. О произведении Занд «Les sept cordes de la lyre» Соц, изложив ее сюжет, представляющий некоторые черты сходства с «Фаустом», отозвался, что

«эта волшебнo-мистическая драма отличается от известного произведения Гете отсутствием сцен, оскорбляющих благопристойность»...

А. Федоров

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Рапорты цензурных комитетов в Одессе, Вильне и рижских цензоров» 1834, № 649, л. 203. Оригинал рапорта писан ломаным французским языком, которым в своих донесениях считал нужным изъясняться цензор Граве и который местами (в первой фразе) затемняет смысл; имеется ряд синтаксических ошибок, неудачных оборотов, неуместно выбранных слов. Цитаты из немецкой книги тоже даны по-французски.

² Журналы заседаний Комитета цензуры иностранной в СПб, 1834, л. 199.

³ Рапорты Комитета цензуры иностранной в СПб, 1836, т. II, № 911, лл. 386 — 388.

⁴ Рапорты Комитета цензуры иностранной в СПб, 1839, т. II, № 1104, лл. 360 — 361.

⁵ Рапорты Комитета цензуры иностранной в СПб, 1833, т. I, № 17, лл. 33 — 34.

⁶ Рапорты Комитета цензуры иностранной в СПб, 1852, т. I, № 488, лл. 728 — 731.—Перевод с французского языка, на котором писал всегда свои рапорты цензор Л. Роде.

⁷ Журналы заседаний Комитета цензуры иностранной за 1852 г., лл. 115—116, журнал заседания 8 апреля № 15.

⁸ Рапорты Комитета цензуры иностранной в СПб, 1839, т. II, № 917, л. 168.

Помимо указанных изданий Гете рижская цензура столкнулась и с Гете-журналистом. В августе 1797 г. ею были запрещены издаваемые Шиллером при ближайшем участии Гете сборники «Норен», при чем среди других «недозволительных» произведений в одной книге «Noren» (№ 1 за 1795 г.) цензурой отмечена гетевская вводная новелла к «Беседам немецких эмигрантов». Разыскания об этом сделаны т. Морозовым.